

ственному союзу учителя—старца и ученика—послушника“ (стр. 30). На самомъ дѣлѣ, и въ восточномъ старцествѣ всегда былъ житейско-нравственный элементъ и въ русскомъ старцествѣ всегда былъ и есть элементъ мистическій. Вѣдь, даже совмѣстная молитва есть нѣчто мистическое, а не проявленіе только обыкновеннаго нравственнаго союза.

По мнѣнію автора мистицизмъ всегда былъ чуждъ русскимъ и совершенно несвойствененъ русскому уму. Это онъ объясняетъ критическимъ умомъ и молодостью русскаго народа (стр. 207). Все это очень непонятно. Что это за несовершеннолѣтній критическій умъ? Мистицизмъ повидимому авторъ связываетъ съ некритичностью. Напрасно. Мистицизмъ часто соединяется съ тонкимъ и глубокимъ критицизмомъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ и упанишады и творенія суффитовъ. Затѣмъ, что это за молодость русскаго народа? Вѣдь, русскіе люди и не менѣе культурны и не болѣе молоды, чѣмъ индусы эпохи Асоки или суффиты XII столѣтія. Тѣ были мистиками, почему русскіе не могутъ быть ими? Потому, авторъ совѣмъ не хочетъ видѣть, что мистицизмъ бываетъ различный.

Обращаясь отъ существа сочиненія къ его составу и формѣ, рецензентъ долженъ сказать слѣдующее.

Сочиненіе заключаетъ въ себѣ X+275 писанныхъ страницъ. Это будетъ около 200 печатныхъ страницъ шрифта „Богословскаго Вѣстника“. Но у автора масса выписокъ, такъ что его собственное творчество пожалуй не обнимаетъ и 100 страницъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что авторъ повидимому кое-гдѣ забывалъ ставить цитаты. Такъ на 125 стр. читаемъ; „временемъ полнаго утвержденія старчества надо считать начало 40-хъ г. *настоящаго* столѣтія“. Дай Богъ конечно нашему автору дожить до 40-хъ годовъ *настоящаго* столѣтія, но эти слова его, надо полагать, извлечены изъ книги XIX столѣтія.

Авторъ часто повторяется, у него много странныхъ выраженій, онъ даже не всегда грамотенъ. Въмѣсто: „монашество стало близко къ міру“ онъ пишетъ: „*стало*“ (стр. 32).—Пишетъ: „предыпріятіе“ (стр. 212). На 108 стр. встрѣчаемъ такой періодъ: „обычно съ именемъ старца соединяется представленіе, какъ индивидуальномъ руководителѣ,—и въ древнемъ старцествѣ мы видимъ, что инокъ окормлялся однимъ

своимъ старцемъ, свободно избраннымъ имъ сообразно своему душевному устроению“. Понять можно, но выразить мысль должно было иначе.

Не особенно авторъ внимателенъ.

На 3 стр. Бѣлевскій уѣздъ у него оказывается Калужской губерніи, на 111—Тульской. Последнее вѣрно.

На 10 стр. описавши состояніе Соловецкаго монастыря, онъ пишетъ: „такъ печально было состояніе Оптиной пустыни“... и далѣе ведетъ рѣчь о ней, какъ и состоянію Соловецкаго монастыря онъ предпослалъ описаніе Оптиной пустыни.

На 11 стр. у него буквально получается, что причиною подъема монашества былъ подъемъ монашества.

На 73 стр. авторъ говоритъ о русскомъ народѣ: „онъ какъ аскетъ толпами шель въ Оптину“... Странно представить себѣ аскета идущаго толпами, но почему русскій народъ—аскетъ? Онъ терпѣливъ и можетъ довольствоваться очень малымъ, легко можетъ обходиться безъ *подушекъ*, на которыя по описанію нашего автора въ изнеможеніи падали головы оптинскихъ старцевъ (стр. 212), но, обладая земными благами, русскіе люди не уклоняются отъ пользованія ими.

За всѣмъ тѣмъ сочиненіе автора не лишено нѣкоторыхъ достоинствъ и небезполезно. Онъ привелъ въ нѣкоторую систему свѣдѣнія объ оптинскомъ старцевствѣ, далъ—хотя и не особенно глубокую—характеристику этого старчества, прочиталь—хотя и не особенно много—хорошихъ книгъ.

Для полученія степени кандидата сочиненіе написано удовлетворительно“.

8) О сочиненіи студента *Волкова Бориса* на тему: „Пасторологическій анализъ русской пизящной литературы послѣдняго времени“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„На указанную тему было уже писано кандидатское сочиненіе въ прошломъ году и дефекты оказавшіеся въ немъ (см. журналы Совѣта за 1913-й годъ, отзывъ о сочиненіи г. Веселовскаго) были поставлены на видъ автору настоящаго сочиненія для предупрежденія ихъ повторенія. Несмотря на то г. Волковъ усвоилъ ихъ въ своемъ сочиненіи. Его вниманіе исключительно поглощено идеологіей. „Вести

пастыря въ кругъ идей, господствующихъ въ современной жизни и нашедшихъ свое художественное воплощеніе въ изящной литературѣ нашего времени,—вотъ задача, которая предносилась предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ на всемъ протяженіи настоящей работы“—такъ опредѣляетъ авторъ характеръ своей работы въ заключеніи (стр. 328). Еще подробно и яснѣе дѣлаетъ онъ это въ другомъ мѣстѣ, объясняя свое преимущественное вниманіе произведеніямъ Андреева и Куприна... „Купринъ и Андреевъ—это своего рода двѣ крайности нашей литературы. Они выявили современную жизнь съ двухъ противоположныхъ сторонъ — со стороны разочарованія и со стороны восторженнаго преклоненія предъ нею. Эта жизнь, освѣщенная съ двухъ до противоположности крайнихъ точекъ зрѣнія, нашла свое полное исчерпывающее отображеніе по преимуществу въ художественномъ творчествѣ Куприна и Андреева... По ихъ художественнымъ произведеніямъ всякій православный пастырь увидитъ, чѣмъ живетъ и болѣетъ современный человѣкъ, какіе запросы предъявляетъ онъ къ жизни, какъ и насколько успѣшно онъ примиряетъ свое существованіе съ христіанскими идеалами“. Въ частности результаты своего анализа произведеній того и другого писателя авторъ резюмируетъ такимъ образомъ. „На произведеніяхъ Андреева пастырь увидитъ, какъ современный человѣкъ стремится освободить свою личность отъ тѣхъ узъ и стѣсненій, которыя якобы накладываются на него не только общественными и государственными формами жизни, но и самой христіанской моралью... увидитъ, до какихъ печальныхъ результатовъ доходитъ человѣческая личность въ своемъ стремленіи обособить себя отъ міра и жизни, что переживаетъ личность въ своемъ добровольномъ одиночествѣ, какъ эта обособленная личность уходитъ внутрь себя, въ глубину своихъ личныхъ одинокихъ переживаній и изъ себя старается осмыслить свое существованіе; каковъ процессъ разрушенія мысли, вѣры и соціальнаго усилія и чѣмъ онъ сопровождается для одиночки; какъ этотъ одинокій, отвергшій и міръ и жизнь и въ себѣ самомъ не нашедшій точки опоры андреевскій человѣкъ въ своихъ поискахъ абсолютной истины и правды жизни наталкивается на міровое зло и какъ онъ примиряетъ его съ идеей Бога. На произведеніяхъ Куприна право-

славный пастырь тоже встрѣчается съ проблемой личности, какъ самой животрепещущей проблемой современности, но здѣсь будетъ свидѣтелемъ иной ея постановки и иного ея разрѣшенія. Здѣсь онъ увидитъ не обособленную отъ міра и жизни человѣческую личность, а личность, стремящуюся въ условіяхъ реальной дѣйствительности найти свое мѣсто въ жизни и проявить себя въ всей своей полнотѣ. Онъ увидитъ, какіе порывы этой личности въ дѣлѣ достиженія личнаго и общественнаго блага, какіе результаты этого стремленія личности къ жизни и причины ихъ въ зависимости отъ реальныхъ условій несовершенствъ жизни и наконецъ, какое можетъ быть сдѣлано освѣщеніе ихъ съ точки зрѣнія христіанскихъ идеаловъ... На произведеніяхъ обоихъ писателей православный пастырь увидитъ, что самой интересующей современнаго человѣка проблемой является вопросъ о смыслѣ какъ отдѣльной человѣческой жизни, такъ и всего мірового быта. Обширнѣйшій (въ 330 страницъ размѣромъ большого почтоваго листа и убійственно-убористаго почерка) трудъ автора обстоятельнѣйшимъ образомъ раскрываетъ всѣ приведенныя въ резюмѣ положенія. Тщательнѣйшее изученіе источниковъ, самая широкая освѣдомленность въ критической литературѣ о нихъ, несомнѣнный талантъ философско-литературнаго анализа и литературнаго изложенія гарантируютъ автору успѣшное выполненіе поставленной имъ себѣ задачи. Какъ опытъ философско-литературнаго анализа съ богословско-практической цѣлью трудъ г. Волкова заслуживаетъ полнаго одобренія и даетъ автору безспорное право на усвоеніе степени кандидата богословія. Но все же пасторологическій анализъ—гораздо болѣе сложное дѣло, чѣмъ просто философско-литературный. Послѣдній есть только лишь предварительная, хотя безусловно необходимая, стадія перваго. Самыя идейныя теченія, констатированныя въ литературныхъ произведеніяхъ, авторъ долженъ былъ анализировать и оцѣнить съ точки зрѣнія психологіи грѣха и добродѣтели—специально-пасторской точки зрѣнія. Съ той же точки зрѣнія онъ долженъ былъ собрать и анализировать. къ сожалѣнію, вовсе опущенную имъ изъ вниманія громадную и чрезвычайно цѣнную массу матеріала нравственно-психологической цѣнности, именно безчисленныя картины всевозможныхъ нравственныхъ состояній, преимущественно

•

паденій, которыми такъ богаты изслѣдуемыя авторомъ произведенія. Давая г. Волкову настоящую тему, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ него богатыхъ результатовъ именно въ этомъ направленіи и тѣмъ тяжелѣе для меня констатировать, что его талантливый, серьезный, богатый содержаніемъ трудъ построенъ въ иномъ направленіи, проходящемъ лишь въ преддверіи пасторологическихъ интересовъ и задачъ. Съ точки зрѣнія послѣднихъ весь почтенный трудъ автора конечно долженъ быть перестроенъ, при чемъ значительная часть цѣннаго лишь съ историко-литературной точки зрѣнія матеріала должна быть выброшена; эрудиція автора должна быть значительно усилена въ сферѣ богословско-аскетической и специально-пасторологической литературы. Хотѣлъ бы надѣяться, что авторъ не остановится предъ требуемыми въ этомъ направленіи усиліями и въ ближайшемъ будущемъ дастъ трудъ, способный быть цѣннымъ вкладомъ въ русскую пасторологическую литературу“.

б) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора А. П. Шостыгина:

„Первая глава сочиненія г. Волкова имѣетъ надписаніе: „задача, цѣль, возможность и необходимость пасторологическаго изученія русской литературы“,—и рѣчь идетъ здѣсь о вліяніи литературы на человѣческую жизнь вездѣ, особенно же на Руси. Такимъ образомъ авторъ достаточно оправдываетъ самую постановку данной ему темы. Но при этомъ было бы не лишне опредѣлить точнѣе основные термины, входящіе въ эту тему: „пасторологическій“, „изящный“ и „послѣдняго времени“. Не выяснивъ этихъ терминовъ надлежащимъ образомъ, авторъ прежде всего подмѣняетъ „пасторологическій“ анализъ самымъ обычнымъ литературно-критическимъ анализомъ, и всю вторую, центральную, главу съ надписаніемъ: „современная художественная литература“ (стр. 43—258), заполняетъ передачею и разборъ повѣстей и рассказовъ Л. Андреева и Куприна, причемъ попутно выясняетъ родство одного изъ названныхъ писателей съ Ф. М. Достоевскимъ (170), а другого—съ К. Гамсуномъ (242). Читатель естественно недоумѣваетъ: что же тутъ собственно *пасторологическаго*? И затѣмъ: имѣлъ ли авторъ достаточное основаніе объявлять Л. Андреева и Ку-

приня „типичными представителями“ современной *изящной* русской литературы и ограничивать свою работу разсмотрѣніемъ лишь ихъ произведеній?.. Конечно, г. Волковъ хорошо сдѣлалъ, что не причислилъ къ таковымъ представителямъ еще г. Арцыбашева съ г-жей Вербицкой и не привлекъ ихъ произведеній къ своему обзору; но почему онъ не обратилъ вниманія, напр., на произведенія Боборыкина, Мережковского, Короленко, Чирикова, Потапенко? Развѣ ихъ произведенія не подходятъ подъ понятіе *изящной* литературы? Или же они не „послѣдняго времени“? Или, наконецъ, они даютъ мало матеріала для „пасторологіи“?.. Всѣмъ этимъ вопросамъ и недоумѣніямъ не было бы мѣста, если бы предварительно были выяснены указанные термины въ поставленной темѣ.

„Пасторологическіе“ выводы и сужденія мы находимъ уже въ *третьей*, заключительной, главѣ съ надписаніемъ: „современный человѣкъ въ поискахъ вѣчной истины“ (стр. 259—380). Но нельзя сказать, чтобы эти выводы стояли въ прямой непосредственной связи съ литературно-критическимъ анализомъ произведеній Андреева и Куприна, даннымъ во второй главѣ. Выводы съ этимъ анализомъ связаны довольно внѣшней и искусственной связью, высказаны скорѣе *по поводу* второй главы, нежели *на основаніи* ея. Это и не удивительно, такъ какъ въ произведеніяхъ Андреева и Куприна несравненно чаще встрѣчается человѣкъ „въ поискахъ чувственныхъ наслажденій“, нежели человѣкъ „въ поискахъ вѣчной истины“.

Такимъ образомъ, „пасторологія“ не много приобрѣла въ изслѣдованіи г. Волкова. Но должно отдать справедливость его литературно-критическому таланту, зрѣлости мысли и незаурядной начитанности. Равнымъ образомъ, пишетъ онъ весьма отчетливо, ясно и стройно-логично. Такіе промахи, какъ Ницшеанскій *Abermensch* вм. *Uebermensch* (158) или: „предъ гробомъ *умирающаго* отца“ (276)—встрѣчаются очень рѣдко.

Для присужденія автору степени кандидата богословія разсмотрѣнное сочиненіе совершенно достаточно“.

9) О сочиненіи студента *Глаголева Николая* на тему: „Происхожденіе христіанства по теоріи историческаго матеріа-

лизм. Разборъ книги Каутскаго *Der Ursprung des Christentums*“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Таръева*:

„Отношеніе сторонниковъ научнаго марксизма къ религиіи, частнѣе, къ христіанству многосторонне. То они хотять выставить христіанскую религию, конечно, въ „истинномъ пониманіи“, защитницей тѣхъ же идеаловъ, которые преслѣдуетъ социализмъ,—хотять сблизить социализмъ съ христіанствомъ и освятить первый этимъ сближеніемъ. То они унижаютъ христіанскую религию до крайней степени, дабы освободить отъ ея вліянія народы, отвлечь ихъ на путь социалистическаго атеизма, поставить на ея мѣсто социализмъ. То, наконецъ, они объясняютъ христіанство на протяженіи всей исторіи его, какъ объясняютъ и всякую религию, и всякую идеологию — изъ экономическихъ условій времени. Первая двѣ линіи вытекаютъ изъ тактическихъ соображеній, послѣдняя свойственна научному социализму по существу его основной теоріи—историческаго матеріализма. Апологетамъ христіанства надлежитъ защищать его со всѣхъ сторонъ, но преимущественно — съ третьей. Первая два истолкованія христіанства ужь слишкомъ грубы, тогда какъ третье иногда пріобрѣтаетъ соблазнительную видимость научно-историческихъ основаній. Таковую видимость особенно имѣетъ книга Каутскаго *Der Ursprung des Christentums*, которая, поэтому, и заслуживаетъ вниманія богослововъ.

Сочиненіе г. Глаголева имѣетъ такой планъ и содержаніе. Въ введеніи онъ даетъ общее описаніе теоріи историческаго матеріализма и, ближе, отношеній марксизма къ религиіи, вообще, и христіанству, въ частности. Указывается мѣсто, занимаемое книгой Каутскаго среди социалистической литературы. Затѣмъ детально излагается книга Каутскаго. Выпукло начертывается ея основной тезисъ—христіанство, какъ продуктъ общественно-экономическихъ отношеній своего времени. Каутскій приписываетъ первоначальному христіанству пролетарско-зелотскій, т. е. экономически-революціонный характеръ. Онъ утверждаетъ, что христіанское общество перваго времени имѣло коммунистическій строй.

Изложивъ книгу Каутскаго, авторъ во всей остальной части своей работы подвергаетъ ее основательной и послѣ-

довательной критикѣ. Во главѣ, которую онъ называетъ принципиальною, изображается христіанство въ его евангельско-религіозной основѣ. Здѣсь все направляется къ той мысли, что христіанство, какъ религія духовная, лежитъ совершенно въ иной области, отличной отъ условно-общественныхъ отношеній. Между этими областями находится столь глубокой перерывъ, что онѣ не могутъ быть связаны между собою причинными отношеніями. Корень христіанства всецѣло и исключительно въ божественномъ лицѣ Христа Иисуса: оно есть творческо-новое въ исторіи. Вся эта глава написана авторомъ съ высокимъ подъемомъ, съ глубокою любовью къ предмету и въ воодушевленномъ изложеніи. Вся она—сплошной гимнъ, вылившійся изъ вѣрующаго сердца. Изъ чтенія ея не только выносишь пониманіе, но и живое чувство того, что христіанство совсѣмъ иного духа, не доступнаго плоской мысли Каутскаго, что „историческій материализмъ никакъ не можетъ подступиться къ христіанству“. Христіанство не укладывается въ рамки материалистическаго пониманія исторіи.

Если бы авторъ ограничился только этою, принципиальною, главою, то его критику уже можно было бы назвать вполне достигающею своей цѣли. Но онъ здѣсь видитъ лишь половину дѣла. Далѣе у него слѣдуетъ *часть историческая*, распадающаяся на четыре главы, въ которыхъ онъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за аргументаціей марксиста, изобличаетъ его невѣжество, тенденціозность, легкомысліе. Первая глава: „Первохристіанство въ исторіи и у Каутскаго“. Въ исторической дѣйствительности первоначальное христіанство было не тѣмъ, чѣмъ оно кажется Каутскому: оно было воплощеніемъ безпредѣльнаго терпѣнія (гоненій), безграничной любви—не только къ своимъ, но и къ язычникамъ. Слѣдовъ борьбы внутренней (партіи) и внѣшней (революціонности) нѣтъ. Во второй главѣ—о (мнимо) „пролетарскихъ корняхъ христіанства“—убѣдительно доказывается, что социальный составъ первоначальнаго христіанства далеко не былъ такимъ, какимъ рисуетъ его Каутскій: оно не было движеніемъ классовымъ. Равнымъ образомъ и экономическое состояніе римской имперіи первыхъ временъ христіанства Каутскимъ представляется слишкомъ мрачно. Рядомъ выписокъ изъ книгъ проф. Каррѣва, проф. Корелина, Вебера, Моммсена и др. показывается,

что это было время, когда положеніе низшихъ классовъ государства было много лучше сравнительно съ предшествующимъ республиканскимъ временемъ. Во главѣ третьей авторъ подробно останавливается на проблемѣ первохристіанскаго коммунизма и приходитъ къ отрицательному выводу. Въ послѣдней (четвертой) главѣ затрогивается, частице, вопросъ, къ которому авторъ подходилъ уже въ первой главѣ, о мнимой революціонности первоначальнаго христіанства: рядомъ безспорныхъ свидѣтельствъ онъ доказываетъ, что отношенія христіанства къ государству были мирныя, покорныя. Краткая сводка всего дѣлается въ „заключеніи“.

Мы видимъ, какой широкой кругъ предметовъ захватываетъ своимъ вниманіемъ авторъ. Каждая страница свидѣтельствуеетъ о его выдающемся трудолюбіи. Читатель не встрѣчаетъ у него ни одного голословнаго утвержденія: страницы пестрятъ многочисленными ссылками на труды богословско-систематическіе, экзегетическіе, историческіе и спеціальныя по социализму.

Но какъ ни громадна начитанность автора, онъ работаетъ не по первоисточникамъ: онъ исключительно опирается на пособія и даже на пособія не всегда первостепенныя. Но и сверхъ того цитация страдаетъ значительными промахами. Я ограничусь лишь примѣрными указаніями. На стр. V прим. 4 авторъ сообщаетъ: „Отъ марксизма многіе перешли къ идеализму. Струве и Бельтовъ уже отказали экономіи въ „правѣ первородства“. „Экономія есть сама нѣчто производное“ (Бельтовъ *Монистическій взглядъ на исторію* стр. 172 и др.)“.—Трудно понять, какъ это авторъ ухитрился произвести въ идеалисты Бельтова (Плеханова), который дониндѣ остается самымъ ортодоксальнымъ марксистомъ. Между тѣмъ на стр. II, тоже въ подстрочномъ примѣчаніи, авторъ упоминаетъ о „раннихъ сочиненіяхъ Плеханова, въ которыхъ послѣднею и самою общою причиною развитія человѣчества считается развитіе производительныхъ силъ, и личность признается выраженіемъ бессознательнаго и необходимаго хода вещей“. Однако и на стр. V и на стр. II разумѣется одно и то же мѣсто изъ книги Плеханова-Бельтова, которое у г. Глаголева приводится въ отрывкахъ, а въ полномъ видѣ читается такъ: „Экономія сама есть нѣчто производное, какъ и психологія. И именно потому *измѣняется* экономія всякаго

прогрессирующаго общества: новое состояніе производительныхъ силъ ведетъ за собою новую экономическую структуру, равно какъ и новую психологію... Далекая отъ того, чтобы быть первой причиною, экономія сама есть слѣдствіе, функція производительныхъ силъ“. Еще. Авторъ цитируетъ (по разнымъ пособіямъ) то Гарнака (въ пер.) разныя статьи въ ж. В. и Р., какъ-то „Христіанство, какъ религія духа и силы“, то Гарнака въ перев. книгѣ „Религіозно - нравственныя основы христіанства“ (составившейся изъ указанныхъ статей ж. В. и Р.), то Гарнака *Die Mission und Ausbreitung des Christentums*, не подозрѣвая, что это и есть подлинникъ названнаго перевода. На стр. 1 подстр. прим. авторъ приводитъ выдержку изъ *Коммунистическаго Манифеста* Маркса и Энгельса и продолжаетъ „ср. *Капитализмъ и Коммунизмъ*“, что есть тотъ же Коммунистическій Манифестъ.

Но всѣ эти промахи извинительны, и было бы излишнею строгостью требовать отъ кандидатской работы съ такимъ широкимъ охватомъ самостоятельнаго использованія первоисточниковъ. Сочиненіе въ общемъ должно быть признано заслуживающимъ автору степени кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *Ө. К. Андреева*:

„Сочиненіе г-на Глаголева вполне отвѣчаетъ своей цѣли: въ немъ данъ толковый и обстоятельный разборъ извѣстной книги Каутскаго, направленной на защиту абсолютной власти пан-экономизма даже въ такой области, гдѣ все явно полно самой грубой, сознательной, „нерасчетливости“ и забвенія элементарнѣйшихъ правилъ „фабричной“ этики,—именно въ сферѣ христіанской религіи. Привлекая со всѣхъ сторонъ богоборческіе аргументы, изготовленные на станкахъ самаго грубаго, почти животнаго, матеріализма и безапелляціоннаго раціонализма, Каутскій силится конструировать перво-христіанство, вмѣстѣ съ его Главой, изъ условій чисто экономического порядка—борьбы за физическое существованіе. Церковь—кроткая Невѣста Христова—подмѣняется шайкой обездоленныхъ и озлобленныхъ бѣдняковъ, видящихъ въ „коммунальномъ устройствѣ“ единственное спасеніе отъ голодной смерти и исходный пунктъ для борьбы съ „латифундіями“.—Рядомъ удачныхъ и всегда прямо относящихся къ дѣлу положеній авторъ разсматриваемаго сочиненія отвѣ-

чаетъ Каутскому на всѣ его софизмы: первоначальная христіанская община, путемъ чисто научной аргументаціи, возстановляется въ томъ видѣ, въ какомъ она выступаетъ передъ нами непосредственно на страницахъ новозавѣтныхъ книгъ. Эти внѣшне-документированныя главы сочиненія даютъ почти исчерпывающую картину первохристіанства, насколько то возможно въ границахъ современнаго состоянія церковно-исторической науки. Ссылки на первоисточники и лучшія западныя изслѣдованія многочисленны и обнаруживаютъ въ авторѣ начитанность. Жаль только, что онъ не попытался дать положительный отвѣтъ на вопросъ о взаимоотношеніи экономическаго и чисто религіознаго моментовъ, какъ оно раскрывается въ сознаніи самихъ членовъ Церкви, и, конечно, главнымъ образомъ тѣхъ, кого она сама признала достойными подражанія—святыми. Ознакомившись съ этимъ вопросомъ, авторъ можетъ быть присоединилъ бы къ своей, чисто полемической, работѣ, заключительную главу, гдѣ бы давалось, поскольку это возможно, положительное рѣшеніе вопроса о границахъ экономическаго въ Церкви. Впрочемъ, онъ и такъ уже сдѣлалъ не мало, и мы высказываемъ ему не порицаніе, а лишь пожеланіе при дальнѣйшей обработкѣ сочиненія обратить вниманіе на эту неполноту.—Обращаясь теперь къ вопросу о Главѣ Церкви, мы уже не находимъ у автора такой исторической аргументаціи, что, конечно, обусловлено отчасти тѣмъ, что у Каутскаго все вниманіе сосредоточено на общинѣ, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что будучи гораздо болѣе предметомъ вѣры, чѣмъ Церковь воинствующая, Ликъ Христа ускользаетъ отъ внѣшняго оправданія. Поэтому и тѣ страницы работы, гдѣ разсматривается этотъ вопросъ о главѣ, носятъ у автора интимно-личный характеръ и даютъ не столько историческій обликъ Богочеловѣка, сколько психологію богосознанія. Разумѣется послѣдняя оказывается нисколько не похожей на психологію только голоднаго пролетарія, на которой строится схема первохристіанства у Каутскаго.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ содержательной и вдумчиво написанной работы г-на Глаголева. Отмѣтимъ теперь нѣкоторые мелкіе недочеты, быть можетъ просто опечатки. Такъ на стр. 20 встрѣчается фраза: „Предположеніе, что христіанство создавалось до великаго переселенія народовъ

даетъ право Каутскому и т. д.“,—неужели самъ авторъ не раздѣляетъ этого „предположенія“?—Тамъ же говорится о французскихъ короляхъ XIX вѣка. Февда (правописание автора) стр. 22-й отличается отъ „Теудаса“ предыдущей страницы. На стр. 96 упоминается какая-то Феба изъ знатныхъ первохристіанокъ, наряду съ Еводіей и Синтихіей посланія къ Филиппійцамъ (4, 2).—Въ разныхъ мѣстахъ цитируется книга В. Кожевникова: „Отношеніе социализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности“, которую авторъ, по нѣкоторымъ признакамъ, не имѣлъ въ рукахъ.

Гораздо многочисленнѣе недочеты стилистическіе и происходящіе отъ неумѣлаго пользованія нѣкоторыми терминами; примѣры: „трудно найти болѣе богоборческое ученіе, какимъ является марксизмъ“ (стр. VI); эпоха, „характеризующаяся кульминаціоннымъ пунктомъ блестящаго развитія“... (стр. 7); „изъ этихъ придворныхъ составилъ новый аппаратъ для управленія дѣлами государства“ (стр. 27) „слишкомъ допущена большая запутанность“ (стр. 54); „земная бухгалтерія“ (стр. 78); „пропагандистская сила“ (стр. 83); „противникъ... не имѣетъ иного горизонта, нежели самъ христіанинъ“ (стр. 85); на стр. 87 вмѣсто „антагонизмъ“ употребляется „антиномизмъ“; чернь иногда „симпатически стояла на сторонѣ христіанъ“ (стр. 113) и под.—Еще менѣе удаются автору поэтическія описанія: „солнце погасло и чернымъ, зловѣщимъ пламенемъ вспыхнула тьма и хлынулъ тяжелый душный мракъ и разрушеніе... бьется душа замученная и раскалывается“ (стр. 61); Христосъ „страдальцамъ открываетъ бездонныя объятія свои“ (стр. 63); христіанство насадило на землѣ „золотые цвѣты правды...“, „пусть не будетъ на землѣ больше злобы и когтей и человѣкъ—царь пусть озарится“ (стр. 64); о первохристіанахъ—„безумны и изступленны были ихъ огненные рѣчи, которыми они зажгли міръ. Вся ихъ жизнь была отвѣтомъ на Христову нежитейскую красоту“ (стр. 128).—Болѣе чѣмъ странно звучатъ нѣкоторыя выраженія непосредственныхъ чувствъ: Каутскій полагаетъ, что „стоитъ только поплевать на перо, и оно запишетъ увѣренно и бойко“ (стр. 15); „ей, ей, нельзя сдержать совершенно искренняго негодованія, когда видишь, какое „христіанство“ выдается за настоящее, чистое“ (ibid. примѣчаніе); „вышвыриваніе“ (стр. 17); „залихватски-разнуз-

данная книга“ (стр. 28); „рядъ модныхъ философовъ и шарлатановъ, въ лицѣ Сенеки, младшаго Плинія, Аполлонія Тианскаго и Плотина“ (ibid.); Каутскій, „захлебываясь отъ восторга, строчить Нерону акаѳистъ“ (ibid.).—Странно выглядятъ нѣкоторыя усвоенныя авторомъ сокращенія: „Іерус. пролетарій“ (стр. 9); „имп. придворные чины“ (ibid. и стр. 26); „эк—общественныя отношенія“ (стр. 47); „іуд-нац-исключительный характеръ“ (стр. 86); „нац-матер-іудейская основа“ (стр. 90); „карпократіанская церковь съ ея комм-змомъ“ (разумѣется: коммунизмомъ) и под.—Наконецъ, неизбѣжны, при работѣ надъ нѣмецкой книгой: „конкретизированіе“ (стр. 6), „люмпенпролетаріатъ“ (стр. 7, 9, 11, 98, 129), „сервиллизмъ“ (стр. 25, 79) и др. Но все это, безусловно, мелочи и простыя ошибки, которыя не мѣшаютъ автору быть достойнымъ искомой степени“.

10) О сочиненіи студента *Голобородько Михаила* на тему: „Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству и малороссійское духовенство“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Голобородько состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой мы имѣемъ краткій очеркъ соціального состоянія Украины со времени столкновенія ея съ Польскимъ государствомъ. Въ этомъ очеркѣ авторъ, напомнивъ читателю послѣдовательный ходъ сближенія и соединенія Литовскаго великаго княжества съ Польшей (5—10), разсматриваетъ тѣ послѣдствія для русскаго православнаго населенія литовскихъ земель, къ которымъ это сближеніе приводило, останавливается на бѣгствѣ крестьянъ на Украину, на значеніи этого факта въ исторіи малорусскаго казачества, на характеристикѣ устройства и положенія казачества и въ заключеніе подвергаетъ разбору легенду о Баторіевой реформѣ. Во второй главѣ авторъ изучаетъ религіозное и національное движеніе въ первой половинѣ XVII в. въ Малороссіи, движеніе, которое и было причиной воссоединенія Руси. Здѣсь вниманіе автора привлекаетъ къ себѣ ухудшеніе положенія православныхъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ XVII в. послѣ Брестской уніи 1596 г., протестъ противъ уніи и религіозное движеніе въ казачествѣ, которое вступаетъ въ переговоры о соединеніи съ московскимъ правительствомъ.“

Глава III посвящена обширному изслѣдованію самаго факта присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Авторъ даетъ очеркъ сношеній съ Москвою Богдана Хмельницкаго, нѣсколько страницъ удѣляетъ земскому собору 1651 г., переходитъ далѣе къ собору 1653 г., излагааетъ дѣйствія великаго московскаго посольства въ Малороссію и наконецъ подвергаетъ критическому изученію знаменитыя „статьи Богдана Хмельницкаго“, формулировавшія условія присоединенія. Въ послѣдней IV главѣ авторъ характеризуетъ отношеніе малороссійскаго духовенства къ подчиненію Малороссіи Москвѣ и особенно подробно останавливается на выясненіи причинъ того враждебнаго отношенія, которое вызвалъ къ себѣ этотъ фактъ со стороны кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова и высшаго малороссійскаго духовенства.

Работа г. Голобородько производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Особенно цѣннымъ ея свойствомъ я считаю то отношеніе къ источникамъ, которое авторъ проявляетъ въ ней. Имъ собранъ обширный относящійся къ интересующему его вопросу документальный матеріалъ, хотя онъ и сѣтуетъ въ предисловіи на его недостаточность. Этотъ матеріалъ имъ основательно изученъ, и онъ даетъ вѣрную оцѣнку его значенію, когда говоритъ напр. (119) о значеніи статейнаго списка посольства Бутурлина и о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ привело Костомарова недостаточно внимательное отношеніе къ этого рода документамъ. Тщательно изучая документы, авторъ умѣло ими пользуется для своего изложенія. Такъ по документальному матеріалу построены у него разговоры о дѣйствіяхъ московскаго посольства, о столкновеніи митрополита съ боярами въ Кіевѣ (218) и др. Разборъ „статей Богдана Хмельницкаго“ (146—154) свидѣтельствуетъ объ умѣнѣ автора критически относиться къ тому матеріалу, который находится въ его рукахъ. Тотъ же критическій навыкъ авторъ обнаруживаетъ при разборѣ вопроса о датѣ статей (стр. 159 примѣчаніе.).

Основательное знакомство съ документами даетъ автору надежную опору въ отношеніи къ существующей литературѣ предмета и позволяетъ ему хорошо ориентироваться среди различныхъ высказанныхъ учеными взглядовъ. Къ воззрѣніямъ Костомарова, Кулиша, Кояловича и др. авторъ

относится вполне самостоятельно и принимает изъ нихъ только то, что проходить черезъ его собственное критическое испытаніе (66, 68, 81, 215 и др.). Въ своей работѣ онъ вполне самостоятеленъ и доказательно проводитъ свое основное положеніе о томъ значительномъ вліяніи, которое имѣли религіозные мотивы на дѣло присоединенія. „Главный мотивъ“, пишетъ авторъ, „какимъ руководствовалось московское правительство при принятіи Малороссіи въ подданство, это мотивъ религіозный. Подчеркнуть это тѣмъ болѣе необходимо, что въ нашей историографіи существуетъ стремленіе приписывать казакамъ полное безразличіе къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, которые только послѣ со вѣи и совершенно случайно вошли въ кругъ казацкихъ интересовъ“. (107—108). Религіозный мотивъ присоединенія это руководящая мысль автора, проникающая всю работу и сообщающая ей единство. Тѣмъ болѣе его поражаетъ отношеніе къ дѣлу малороссійскаго высшаго духовенства, и г. Голобородько тратитъ много труда на выясненіе причинъ такого непонятнаго на первый взглядъ отношенія. Соображеній, къ которымъ онъ приходитъ, нельзя не признать основательными.

Работа читается съ большимъ интересомъ. Знаніе источниковъ, умѣнье критически къ нимъ отнестись и воспользоваться ими для конструкціи фактовъ—таковы проявленные авторомъ въ его сочиненіи свойства. Они даютъ ему полное право на полученіе кандидатской степени.—

б) И. д. доцента священника *И. М. Смирнова*:

„Тема сочиненія г. М. Голобородько.—„Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству и малороссійское духовенство“ — исчерпывается собственно говоря III и IV главами его работы. Здѣсь довольно подробно изложена (начиная съ даты 8 іюня 1648 года) исторія событія, имѣвшаго такую существенную роль для послѣдующей жизни обѣихъ Россій, а преимущественно для Малой, особенное вниманіе удѣлено основательному анализу Московскихъ статей, въ которыхъ были формулированы условія соединенія, и дана, наконецъ, хотя и краткая, но достаточно определенная оцѣнка этого историческаго акта 1654 года въ предѣлахъ *дѣйствительности*, насколько условія соединенія

были удовлетворительны для ожиданій всѣхъ классовъ малороссійскаго народа. Въ IV главѣ указано отношеніе малороссійскаго духовенства къ факту подчиненія Малороссіи Москвѣ, причеъ изъ всего разнообразія мнѣній, объясняющихъ отрицательное, вѣрнѣе—прямо враждебное положеніе, занятое Митр. Сильвестромъ Коссовымъ къ московскому правительству и къ вопросу подчиненія Малороссіи Москвѣ, авторъ выбираетъ наиболѣе вѣроятныя. Ваято только въ предѣлахъ этихъ двухъ главъ (стр. 98—271) сочиненіе г. Голобородько производитъ впечатлѣніе труда основательнаго, обнаруживающаго въ авторѣ и тонкій анализъ, и умѣнье разобратъ въ массѣ разнорѣчиваго матеріала, котораго по такому жгучему (въ особенности для малоросса) вопросу существуетъ весьма обильно, и достаточную научную объективность (авторъ—полтавецъ). Точный, сжатый, но въ то же время и ясный языкъ изложенія усиливаетъ благоприятное впечатлѣніе.

Что же касается I-й главы, которую авторъ посвящаетъ подробному выясненію социальнo-экономическихъ отношеній, породившихъ казачество, то необходимость ея для настоящей работы является, по моему мнѣнію, довольно таки проблематичной. Казачество, какъ бы ни была сильна его роль въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи, все же не является выразителемъ всей массы южно-русскаго народа: это—только сословіе, хотя и наиболѣе могущественное среди прочихъ. Другое дѣло, если бы авторъ изложилъ здѣсь социальнo-экономическую обстановку жизни всего малорусскаго народа, всѣхъ его слоевъ, которая вынудила этотъ народъ искать того или другого выхода изъ создавшихся ненормальныхъ условій собственнаго существованія:—въ формѣ ли присоединенія къ Москвѣ, или союза съ какимъ либо другимъ изъ окружавшихъ сосѣднихъ государствъ. Тогда глава имѣла бы органическую связь съ общою работою, служила бы опредѣленнымъ оправданіемъ разбираемаго акта 1654 года.—Впрочемъ, будучи взята сама по себѣ, въ отдѣльномъ видѣ. I-ая глава можетъ служить только лишнимъ плюсомъ въ пользу автора.—II-я глава, какъ изложеніе предварительныхъ попытокъ (до 1654 г.) присоединенія Южной Руси къ Москвѣ, попытокъ, выросшихъ на почвѣ пробужденія національнаго самосознанія южно-руссовъ и параллельнаго религіознаго

движенія первой половины XVII вѣка, имѣеть конечно безусловно—цѣнное вступительное значеніе къ главному пункту работы. Но напрасно только авторъ придаетъ такой исключительный вѣсъ указанному движенію, считая его „залогомъ“ совершившагося потомъ присоединенія М. Руси. Это движеніе указало только дорогу въ Москву, ту страну, „въ соединеніи съ которой Южная Русь могла сохранить свою вѣру и самобытность“ (97 стр.), но привели ее сюда совсѣмъ другія соображенія. Яркій представитель первыхъ попытокъ—Митр. Іовъ Борецкій въ своихъ стремленіяхъ къ Москвѣ исходилъ изъ идеи кровнаго и вѣроисповѣднаго родства обѣихъ Россій, совершенно не учитываяъ въ опредѣленныхъ формахъ всю выгоду для общественныхъ слоевъ собственной страны предполагавшагося слиянія. Богданъ Хмельницкій и прочіе дѣятели акта 1654 года руководствовались прежде всего узко-практическими расчетами объединенія: присоединеніе къ единокровной и единовѣрной Москвѣ давало болѣе, нежели съ какимъ либо изъ другихъ иновѣрныхъ или инославныхъ сосѣдей, основаній къ крѣпкому и выгодному союзу. Идея Борецкаго въ своемъ конечномъ результатѣ, пройдя чрезъ сознаніе той и другой народной массы, привела бы къ *возсоединенію* разрозненныхъ историческими и политическими обстоятельствами двухъ частей одной и той же народности въ одинъ крѣпкій политическій организмъ. Политико-матеріальные двигатели привели Малороссію къ *присоединенію* на пріемлемыхъ началахъ къ Московскому государству, какъ равно они могли бы присоединить ее и къ Турціи, и къ Польшѣ, и къ Молдавіи и др. странамъ. Такъ, именно, какъ на выгодный съ различныхъ точекъ зрѣнія союзъ смотрѣли на актъ 1654 года и самъ Хмельницкій (ср. напр. стр. 149, 203 наст. работы), такъ и народъ. Неудовлетворенность въ матеріальныхъ расчетахъ состоявшагося присоединенія естественно повела къ немедленному охлажденію въ своихъ симпатіяхъ южно-руссовъ къ Москвѣ, а потомъ и къ явнымъ *измѣнамъ* союзу. Слѣд., идеальныя чаянія Іова Борецкаго и его единомышленниковъ не могли породить такое специально-утилитарное дѣйствіе, какъ присоединеніе 1654 года Хмельницкаго, а потому говорить о національно-религіозномъ движеніи двадцатыхъ годовъ XVII вѣка, какъ „залогъ“ послѣдняго,—довольно рискованно. Но

впрочемъ это мало мѣняетъ сущность дѣла, вполне удовле-творительно, повторяю, раскрытаго въ III и IV главахъ разбираемой работы. Есть въ сочиненіи досадные недосмотры: стр. 32. 59. 66. 101. 138. 176. 180. 186. 197. 232. 269.

Въ общемъ же сочиненіе г. Голобородько производитъ впечатлѣніе весьма дѣльной курсовой работы, дающей полное право ея автору на присужденіе искомой степени кандидата богословія“.

11) О сочиненіи студента *іеромонаха Сергія (Дабича)* на тему: „Монархія у евреевъ по даннымъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Сергія открывается внушительнымъ спискомъ русскихъ и иностранныхъ (нѣм. и франц.) пособій, какими онъ пользовался при написаніи своей работы. Здѣсь захвачены не только монографическіе и общеисторическіе отдѣльные труды, но и журнальныя небольшія статьи. Самое сочиненіе, помимо введенія, распадается на 3 части, изъ которыхъ первая опредѣляетъ генезисъ и характеръ еврейской монархіи, отличающей ее отъ другихъ монархій древняго востока, вторая—даетъ обильныя свѣдѣнія изъ быта еврейской монархіи, а третья—излагаетъ исторію еврейской монархіи до паденія Іудейскаго царства. Къ сочиненію приложена хронологическая таблица событій древне-еврейской исторіи отъ сотворенія міра до взятія Іерусалима Титомъ, составленная по многимъ пособиямъ весьма удачно. Какъ цѣлое, такъ и въ деталяхъ сочиненіе о. Сергія производитъ самое благоприятное впечатлѣніе, какъ трудъ вдумчивый и изящно отдѣланный. Не обладай нашъ авторъ изумительною сжатостію рѣчи, его достаточно большое сочиненіе могло бы, стать еще объемистѣе,—такъ великъ матеріалъ, использованный и привлеченный имъ къ освѣщенію общихъ положеній и частныхъ сторонъ подлежащихъ его изслѣдованію вопросовъ. Цитатія у нашего автора отличается точностью, и весь подстрочный матеріалъ приведенъ въ координацію съ текстомъ сочиненія. Въ авторѣ видѣнъ историкъ-психологъ, удачно вскрывающій и комментирующій единичные случаи

и группы фактовъ изъ исторіи ветхозавѣтнаго Израиля, что нужно особенно сказать о первой и третьей частяхъ сочиненія, гдѣ приходилось говорить о генезисѣ теоретическомъ („in spe“ и „ad libitum“ по автору, разумѣются прелиминарніи обѣтованій и закона) и эмпирическомъ еврейскаго государства и о судьбахъ его при 3 первыхъ царяхъ, равно конспективно излагать лейтмотивы исторіи раздѣлившейся монархіи до паденія ея двухъ частей. Къ сказанному авторомъ о значеніи исторіи еврейскаго народа, о сомнѣніяхъ Самуила касательно учрежденія монархіи, и объ эпохѣ начальственнаго царственнаго тріумвирата врядь ли что можно добавить. Тонкій психологическій анализъ историческихъ положеній и событій не оставляетъ желать ничего большаго, опираясь на документальныя данныя ветхозавѣтныхъ священныя книгъ. При изложеніи нормативовъ быта еврейской монархіи замѣчается перо юриста, для котораго общія схемы государствовѣдѣнія являются путеводною нитью при группировкѣ фактовъ древне-еврейской монархической жизни.

Въ исторіи еврейскаго народа нашъ авторъ различаетъ 3 періода: кочевно-пастушескій, земледѣльческій и торгово-промышленный, по дѣйствующимъ силамъ—патріархальный, теократически-царскій и раввинистическій. Не занимаясь послѣднимъ, онъ удѣляетъ вниманіе первымъ двумъ. Въ номадическомъ періодѣ, хотя и нѣтъ народа въ виду отсутствія опредѣленной территоріи, однако зарождаются формы быта, сохраняющіяся и въ слѣдующій періодъ государственно-національный, а поэтому не безплодныя для быта еврейской монархіи. Нашъ авторъ слѣдитъ, какъ примитивное колѣнное управленіе становится общиннымъ, которое въ свою очередь преобразуется въ національное, причѣмъ самое устройство Палестины нѣсколько удивляетъ ея населеніе отъ сосѣдей—язычниковъ, отъ моря и отъ торговыхъ путей древняго міра. Палестина становится колыбелью изолированнаго національнаго быта, въ равныхъ же условіяхъ кочевой жизни закладывалась прочная черта этого быта, обладавшая удивительнымъ стабиллизмомъ,—равенство всѣхъ предъ единымъ Владыкою неба и земли. Характеристика начальныхъ стадій еврейской политической исторіи, періода судей,—проведена весьма хорошо, и отгѣненіемъ фаустрехта судейской эпохи (каждый дѣлалъ, что казалось ему справедливымъ. Суд. 21.

25) показано вѣроятное зерно, изъ котораго произрасли дальнѣйшія желанія еврейскаго народа, и расцвѣли его упованія на царство, какъ на панацею для великаго національнаго горя. Для рецензента только несовсѣмъ ясно, какъ мыслить о. Сергій отношеніе ветхозавѣтной церкви къ еврейскому національному государству, было ли здѣсь государство въ церкви, или церковь въ государствѣ, или эти понятія сорастворялись. Неясно, употребляемые авторомъ термины кагалъ, еда имѣютъ ли специфически-религіозный или гражданско-соціальный характеръ, иначе говоря, какой строй взаимныхъ отношеній церкви и государства отмѣчается Иосифомъ Флавіемъ, вводящимъ терминъ „теократія“, какъ опредѣленіе сущности древне-еврейскаго быта, подчиненіе, содружество или поглощеніе одной стороны жизни другою. Давая правильное толкованіе термину шофетъ—судія, какъ отмѣчающему лицу управляющее (судь—управленію), нашъ авторъ погрѣшительно толкуетъ выраженіе „кадошъ“ святой въ отнесеніи къ Израилю въ смыслѣ указанія на чистоту отъ грѣховъ (75 стр.). Вѣдь тотъ же законъ, гдѣ поставлено это выраженіе, устанавливалъ систему жертвоприношеній; по нашему мнѣнію здѣсь дана лишь идея отдѣленія, обособленія отъ другихъ народовъ, а святость въ моральномъ смыслѣ—понятіе привходящее. Равно нашъ авторъ колеблется въ толкованіи самого имени „Израиль“, давая конечному эль то значеніе субъекта при глагольномъ элементѣ слова, то объекта при этомъ элементѣ, а потому переводитъ то „владычествуетъ Господь“, то „Богоборецъ“ (40 стр.). При рѣчи о способѣ избранія царя авторъ недостаточно освѣдомленъ объ уримъ и туммимъ (97 стр.), а потому его изложеніе—сбивчиво, равно не точна рѣчь объ уримъ и туммимъ въ Израильскомъ царствѣ (161 стр.). Замѣчаніе о значеніи монархіи для централизаціи Богослуженія также нуждается въ детальномъ обоснованіи, въ виду принесенія даже благочестивыми царями жертвъ на высотахъ (130 стр.).

Придавая особый вѣсъ археологической части въ изслѣдованіи о. Сергія, рецензентъ долженъ отмѣтить съ большою похвалою ея полноту и детальность. Критическихъ добавленій къ этой части рецензируемой работы можно сдѣлать немного, потому что нашъ авторъ умѣетъ отличать въ древне-еврейскомъ быту элементы, о которыхъ можно говорить съ

увѣренностью, отъ выводовъ, осужденныхъ на проблематичность, на прим. объ елеѣ помазанія царей, о книгѣ „царскаго“ закона и т. п. Интереснымъ представляется вопросъ о совмѣщеніи царскаго служенія съ священническимъ (въ домаккавейскую эпоху), на что открываются какъ бы намеки въ текстѣ священныхъ книгъ. Напримѣръ, цари приносятъ жертвы (по нѣкоторымъ не какъ жертводатели, но какъ жертвосовершители), благословляютъ народъ именемъ Господнимъ, сыновья Давида называются священниками „коганимъ“, Давидъ при перенесеніи ковчега завѣта надѣваетъ на себя ефодъ,—всѣ эти данныя удачно разъяснены о. Сергіемъ; рецензентъ добавилъ бы только, что и отрокъ Самуилъ получилъ отъ своей матери ефодъ, верхнюю малую одежду (1 Сам. 2, 18—19). Вопросъ объ еврейскихъ чиновникахъ (должностныхъ лицахъ) разработанъ детально, хотя *obscuritas* остаются,—такъ неопредѣлимо, почему извѣстныя лица названы: когенъ ледавидъ—священникъ Давидовъ (2 Сам. 20, 26, обратимъ вниманіе на параллельное хозе Давидъ, пророкъ Давидовъ, о пророкъ Гадъ въ 2 Сам. 24, 11), или когенъ мишне—второй священникъ (2 Цар. 25, 18), мишне гаммелехъ—второй по царѣ (буквально второй царя) или гапшалишъ—тристатъ (третьестепенный?). Впрочемъ у автора на стр. 294 какое-то неудомѣнное различіе тристата отъ шалиша. Точно неизвѣстно, кто Крети и Плети при Давидѣ, критскіе и филистимскіе кондотьеры, въ родѣ швейцарской гвардіи и лейбвахты французскихъ королей, или что другое, по части воинскихъ отдѣловъ. При рѣчи объ евнухахъ въ царскихъ гаремахъ авторъ напрасно отрицаетъ, что они были кастратами, ссылаясь на извѣстный законъ Пятюкнижія, по которому осклопленные не могли быть въ обществѣ Израіля, но законъ и жизнь расходились у евреевъ, а у пророка Исаи читаемъ, что Господь даетъ обѣтованія евнухамъ, сухимъ древамъ, если они хранятъ Его субботы, избираютъ удобное Ему и крѣпко держатъ завѣтъ Его (56, 4). Аммонитянь также нельзя было присоединять къ Израілю, а въ кн. Іудіеи выступаетъ аммонитянинъ Ахіоръ съ рѣчью въ апологію іудейства, что заставляеть видѣть въ немъ прозелита. Объ обычномъ полигамическомъ строѣ царской семьи сказано хорошо, безспорно полигамія тѣсно связана съ вопросами экономическими, и самое слово

„Гаремъ“ близко къ слову „гармонъ“ дворець, замокъ, жилище богатыхъ знатныхъ людей, только чудовищный гаремъ Соломона можетъ имѣть объясненіе не въ одномъ его сластолюбіи и богатствѣ, а и въ условіяхъ быта времени, по которымъ всѣ женщины, находившіяся въ обладаніи извѣстнаго лица, разсматривались, какъ его потенциальныя жены и конкубины. Прекрасное разъясненіе этого вопроса можно видѣть у покойнаго историка Голубинскаго въ его замѣчаніяхъ о несмѣтномъ гинекеѣ князя Владиміра, до принятія имъ христіанства. Что касается до роста гаремовъ царскихъ чрезъ переходъ женъ и конкубинъ царя къ его престолонаслѣднику, то такое явленіе, какъ замѣчаетъ о. Сергій, должно считаться недоказаннымъ. О положеніи царской матери въ полигамической семьѣ царя сказано преувеличенно, а каковы были омены, воспитатели царскихъ дѣтей, видно изъ того факта, что омены дѣтей Ахавовыхъ отрѣзали головы своимъ воспитанникамъ по требованію Інуя и наполнили ими отосланныя къ нему корзины (2 Цар. 10, 7). Отдѣлъ о погребеніи и траурѣ по царѣ имѣетъ нѣсколько общій характеръ, кромѣ того балъзамированіе царей недоказуемо, а трупосожженіе, какъ бы примѣнявшееся къ царямъ, требовало детальнаго изученія подлинныхъ мѣстъ Библии, напимѣръ, о погребеніи Асы. Конечно, сожженіе Саула и его сыновей, совершенное жителями Іависа, не можетъ быть свидѣтельствомъ въ пользу царской кремаци, какъ сопровождалось постомъ жителей Іависа, крематоровъ Саула, какъ бы, по раввинамъ, въ заглаженіе ихъ невольной вины. Во всякомъ случаѣ этимъ не подтверждается кремация царей, какъ обычай.

Въ виду того, что въ началѣ отзыва уже охарактеризована историческая часть въ трудѣ о. Сергія, рецензентъ въ правѣ подвести благопріятный итогъ всему сказанному и признать автора рецензированной работы достойнымъ кандидатской степени и оцѣнки его сочиненія полнымъ балломъ“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

„Довольно обширная работа о. Сергія (473 стр. растянутого почерка) свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вполне овладѣлъ своимъ предметомъ, понялъ сущность дѣла и изучилъ детали его. О. Сергій не ставитъ себѣ чисто историче-

скую задачу. „Тема: „Монархія у евреевъ“ авторъ понимаетъ, по его же словамъ, какъ выясненіе существа и основаній царской власти у избраннаго народа, главнымъ образомъ въ періодъ ея сформированія, происхожденія; далѣе, какъ указаніе, въ какія формы вылилась эта власть... Наконецъ, какъ выясненіе степени вліянія царской власти на судьбы... еврейскаго народа“ (стр. 25—26). Вообще въ введеніи авторъ хорошо уяснилъ себѣ задачу, ясно и точно опредѣлилъ границы и планъ работы. Подробно и обстоятельно выяснено о. Сергіемъ отношеніе между Богомъ и еврейскимъ народомъ, какъ отношеніе теократіи. Но наличность послѣдней задаетъ сложный вопросъ о томъ, умѣстна и совмѣстима ли была царская власть съ теократіей. При помощи подробнаго и умѣлаго анализа о. Сергій прекрасно разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что разъ „царство, проникнутое духомъ божественной теократіи, было Богомъ заранѣе предусмотрено и учреждено“ (стр. 125), то слѣдовательно, „теократическое устройство народа израильскаго не исключало въ немъ существованія земнаго царя“ (стр. 129). Такое устройство обуславливало только особенную, исключительную форму еврейской монархіи. Обо всемъ этомъ авторъ разсуждаетъ въ первой части сочиненія. Во второй части о. Сергій далъ полную и подробную картину быта еврейскаго монарха. Эту часть онъ называетъ археологически-правовымъ очеркомъ... Дѣйствительно, авторъ выказалъ здѣсь интересъ къ даннымъ библейской археологіи и обнаружилъ, что не чуждъ юридическаго образованія. Въ третьей части сочиненія кратко излагается исторія еврейской монархіи, сначала при первыхъ трехъ царяхъ: Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ, а затѣмъ отдѣльно въ каждомъ изъ двухъ царствъ: Израильскомъ и Іудейскомъ. Въ концѣ сочиненія авторъ приложилъ тщательно имъ составленную по нѣкоторымъ пособиямъ хронологическую таблицу событій еврейской монархіи.

Для разработки своей темы о. Сергій прекрасно использовалъ обширную иностранную (благодаря хорошему знанію французскаго и нѣмецкаго языковъ) и русскую литературу и, несмотря на сложность задачи, не запутался въ мелочахъ и подробностяхъ. Работа о. Сергія отличается стройностью, систематичностью, планомѣрностью и тщательностью отдѣлки.

Хотя авторъ часто (особенно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) затрогиваетъ побочные предметы (каковы: значеніе нѣкоторыхъ именъ Божіихъ, права первородства, ветхозавѣтный бракъ, положеніе женщины у евреевъ, положеніе пришельцевъ и пр.), однако онъ никогда не уклоняется отъ темы; все у него имѣетъ отношеніе къ основному предмету изслѣдованія; въ разсматриваемомъ сочиненіи всему удѣлено надлежащее мѣсто и вниманіе. Вообще о. Сергій показалъ себя не пассивнымъ работникомъ, а хозяиномъ дѣла. Выясняя нѣкоторыя понятія, напримѣръ, объ елеѣ царскаго помазанія, о тристатѣ и пр., авторъ приводитъ обычно существующія въ наукѣ предположенія о нихъ и всегда указываетъ наиболѣе основательное изъ нихъ и удобопріемлемое. Такимъ образомъ, хотя о. Сергій широко пользовался многочисленными пособиями (тщательнѣйшимъ образомъ процитированными имъ какъ подъ строкою, такъ и въ особенности въ перечнѣ литературы), однако онъ сумѣлъ остаться относительно самостоятельнымъ. Изложеніе о. Сергія отличается ясностію, сжатостію, нѣкоторою своеобразною выразительностію и, за весьма немногими исключеніями, вполне чистымъ, литературнымъ языкомъ.

Недочетовъ въ сочиненіи замѣчено рецензентомъ немного. Для выясненія нѣкоторыхъ еврейскихъ понятій авторъ пользуется различными словарями, энциклопедіями и др. справочниками и приводитъ обычно греческій и латинскій терминъ, а иногда и еврейскій (въ латинской транскрипціи), но никогда не прибѣгаетъ къ помощи еврейской филологіи, даже для выясненія такихъ существенныхъ для темы понятій, какъ: „царь“, „помазанникъ“ и пр. Отсюда у автора замѣтна неувѣренность и сбивчивость въ толкованіи нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ и понятій (см. стр. 40, 75 и др.). Вообще авторъ не обнаружилъ знакомства съ еврейскимъ языкомъ.

Называя еврейскаго монарха „намѣстникомъ Іеговы“, о. Сергій очень кратко говоритъ объ отношеніи къ нему пророковъ (стр. 152, 284) и ничего почти не говоритъ объ отношеніи первосвященниковъ. Вообще вопросъ о взаимоотношеніи еврейской монархіи и ветхозавѣтной церкви остался въ сочиненіи не выясненнымъ.

Описывая головной уборъ царя, авторъ говоритъ, что

царская діадема представляла собою „головную повязку или дощечку, съ надписью „Святыня Господня“ (стр. 189). Но такая дощечка была принадлежностію только первосвященническаго кидара (Исх. 28, 36; 29, 6). Вѣдь самъ авторъ, подробно разбирая мнѣніе о томъ, что еврейскій царь былъ вмѣстѣ и первосвященникомъ, вполнѣ основательно отвергаетъ его (стр. 239—250).

Еврейскому царю запрещено было умножать коней... „необходимо было, говорить авторъ, увлекающійся народъ еврейскій удержать отъ гибельнаго для него желанія возвратиться въ Египеть“. Въ доказательство возможности такого желанія приведено даже нѣсколько цитатъ изъ Библии (стр. 234). Но едва ли у евреевъ могло появиться такое желаніе вторичнаго рабства Египетскаго послѣ того, какъ они завоевали землю обѣтованную и сдѣлались самостоятельнымъ государствомъ во главѣ со своимъ царемъ. Законодатель, указывая этотъ мотивъ для запрещенія (Втор. 17, 16), имѣлъ въ виду ту глубоко-воспитательную цѣль, чтобы евреи, владея хорошей конницей, не питали въ себѣ языческихъ, тщеславныхъ и самонадѣянныхъ чувствъ и, такимъ образомъ, не утратили бы упованія на Господа Бога своего. Израилю, постоянно склонному возвратиться въ Египеть *въ нравственномъ смыслѣ*, всегда нужно было помнить, что „ложь конь во спасеніе... не спасется царь многою силою“ (Ис. 32, 16-17).

Изъ другихъ мелкихъ дефектовъ въ сочиненіи о. Сергія можно еще указать на отсутствіе порядка при перечнѣ литературы (вопреки обычаю автора) и нѣкоторыя незначительныя повторенія (стр. 79—80 и 108—111; 286 и 356; 410 и 424).

Въ заключеніе о работѣ о. Сергія слѣдуетъ сказать, что она является прекраснымъ показателемъ какъ общаго его развитія, такъ и интеллектуальныхъ и литературныхъ способностей автора. О. Сергій легко можетъ ориентироваться въ самомъ сложномъ вопросѣ и, отдѣливъ въ немъ существенное отъ второстепеннаго, дать толковое, краткое, выразительное и вполнѣ литературное изложеніе предмета. Степени кандидата богословія іеромонахъ Сергій заслуживаетъ, безъ всякаго сомнѣнія“.

12) О сочиненіи студента *Доброва Георгія* на тему: „Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ русской церкви“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе студента Г. Доброва написано по слѣдующему плану. Не приводя біографіи Костомарова, авторъ даетъ очеркъ его религіозной настроенности, церковнаго направленія, его начитанности въ духовной письменности и его интересовъ къ богословскимъ и церковно-историческимъ вопросамъ. Отсюда онъ объясняетъ то, что „въ своихъ историческихъ трудахъ Костомаровъ отводитъ не мало мѣста событіямъ изъ церковной жизни, заставляетъ пройти предъ нами рядъ русскихъ церковныхъ дѣятелей“ (41). Затѣмъ переходитъ къ систематическому изложенію церковно-историческаго матеріала въ трудахъ Костомарова.

Гл. I. Христіанство на Руси (точнѣе-утвержденіе христіанства). II. Русская церковь при преемникахъ Владиміра. III. Монашество на Руси. IV. Русская церковь послѣ монгольскаго нашествія. V. Русская церковь и Іоаннъ Грозный. VI. Религіозная мысль въ XV—XVII в.в. VII. Патріаршество на Руси. VIII. Расколъ. Его сущность и происхождение. IX. Южно-русская церковь. X. Духовное просвѣщеніе въ XVIII в. Въ послѣдней, XI главѣ дается критическій разборъ нѣкоторыхъ возрѣній и мнѣній покойнаго историка.

Изложеніе историческихъ сужденій Костомарова ведется съ достаточной точностью, довольно полно и систематично. Но есть пропуски. Такъ, напримѣръ, о вѣрованіяхъ на Руси въ XVI и XVII вв. нашъ авторъ не говоритъ, какъ будто это не имѣетъ отношенія къ церковной исторіи. Изложивъ систематически церковно-историческій матеріалъ, представляемый трудами Костомарова, авторъ едва ли проникъ въ систему взглядовъ покойнаго историка. По крайней мѣрѣ, оригинальное возрѣніе Костомарова на такое важное явленіе нашего прошлаго, какъ расколъ старообрядчества, признающее его явленіемъ прогрессивнымъ, стоитъ въ изложеніи нашего автора какъ то неожиданно, безъ связи съ представленіями историка о раннѣйшихъ судьбахъ русской церкви и послѣдующихъ. Къ тому же Костомаровъ въ изложеніи г. Доброва до нѣкоторой степени обезцвѣченъ: украинофильство историка совершенно не отмѣчено нашимъ авторомъ. Критику возрѣній Костомарова на исторію русской церкви можно было бы значительно увеличить: напримѣръ, неправильно мнѣніе Костомарова, будто паломничество

было самым легкимъ подвигомъ и будто оно со временемъ совсѣмъ прекратилось (68, 80); невѣрно, что Кіево-Печерскій монастырь снабжалъ игуменами всѣ другіе монастыри (73). Слѣдовало провѣрить сужденія Костомарова о московскихъ митрополитахъ времени Грознаго: Макарія и Аванасія (91, 94). Спорно положеніе Костомарова, будто западно-русскія братства организовались по образцу западно-европейскихъ религіозныхъ корпорацій (151). Разбирая невѣрныя или устарѣлыя сужденія Костомарова, г. Добровъ и самъ иногда оказывается не на высотѣ научныхъ требованій или впадаетъ въ прямыя ошибки. Первымъ митрополитомъ русскимъ онъ признаетъ (по Голубинскому) Леонтія (193) и не знаетъ, что въ настоящее время это мнѣніе оспаривается и первымъ нашимъ митрополитомъ считаютъ Феопемпта. Авторъ почему-то убѣжденъ, что въ древней Руси существовало отвращеніе къ книгѣ (201—2), тогда какъ общеизвѣстно глубокое благоговѣніе къ ней.

Однако эти недочеты не мѣшаютъ признать работу г. Доброва очень хорошей. Онъ обнаружилъ большое трудолюбіе, значительную начитанность, умѣнье немногословно изложить мастерскіе трактаты Костомарова и нерѣдко правильно подмѣтить слабость или устарѣлость его воззрѣній. Степень кандидата богословія вполне заслуживаетъ“.

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„По положенію профессора русской исторіи Н. И. Костомаровъ естественно долженъ былъ соприкасаться съ событіями и изъ исторіи русской церкви. Но ближайшій интересъ къ явленіямъ церковной жизни обыкновенно зависитъ отъ собственной религіозности человѣка. Съ этой точки зрѣнія нужно признать умѣстными сужденія г. Доброва о религіозно-нравственномъ обликѣ Костомарова, составляющія введеніе въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Суммируя церковно-историческія мысли Костомарова, авторъ излагаетъ ихъ въ 10 главахъ (стр. 42—183) подъ заглавіями, объясняющими содержаніе ихъ: „христіанство на Руси“ (гл. I), „русская церковь при преемникахъ Владиміра“ (гл. II), „монашество на Руси“ (гл. III), „русская церковь послѣ монгольскаго нашествія“ (гл. IV), „русская церковь при Іоаннѣ Грозномъ“ (гл. V), „религіозная мысль въ XV—XVII

в.в.“ (гл. VI), „патріаршество на Руси“ (гл. VII), „расколъ—его сущность и происхождение“—(гл. VIII), „южно-русская церковь“ (западно-русская?—гл. IX), „духовное просвѣщеніе въ XVII в.“ (гл. X). Отдѣль этотъ обнаруживаетъ хорошее знакомство автора съ сочиненіями Костомарова и умѣлое объединеніе его взглядовъ на событія прошлой церковной жизни.

Послѣдняя глава (XI) отведена авторомъ оцѣнкѣ Костомарова какъ историка русской церкви. Здѣсь авторъ справедливо отгвняетъ художественность внѣпней формы историческихъ трудовъ Костомарова, приравнивая къ нему въ этомъ отношеніи только Ключевскаго. Отдавая затѣмъ должное критической обработкѣ Костомаровымъ историческаго матеріала, г. Добровъ однако основательно считаетъ критику источниковъ не всюду выдержанной у Костомарова. При руководствѣ исторіей церкви Голубинскаго онъ указываетъ примѣръ большей довѣрчивости Костомарова къ лѣтописнымъ сказаніямъ, чѣмъ того заслуживали нѣкоторыя изъ нихъ. Отмѣчаетъ также недостаточность объективности въ иныхъ сужденіяхъ Костомарова.

Къ сожалѣнію, при развитіи своихъ взглядовъ авторъ и самъ впадаетъ въ односторонность. Ограничивая мнѣніе Костомарова о томъ, что радикальной мѣрой для прекращенія раскола является „народное просвѣщеніе“, авторъ пишетъ: „народное просвѣщеніе можетъ только подготовить почву для примиренія враждующихъ сторонъ, а окончательное рѣшеніе этого вопроса въ рукахъ православной церкви. Если православная церковь объявитъ о равночестности старыхъ чиновъ и обрядовъ, если признаетъ старообрядческую іерархію законной, тогда можно считать вопросъ съ расколомъ ликвидированнымъ. Незамѣтно, постепенно начнется сліяніе съ православными и въ концѣ концовъ отъ раскола останется одно воспоминаніе“. При этомъ г. Добровъ выставляетъ еще одно требованіе. „Въ основѣ современной старообрядческой церкви лежитъ, по автору, соборное начало. Признавъ законными старообрядческую церковь и іерархію, мы должны признать законной и форму ихъ (?) церковнаго управленія, т. е. соборную форму“ (стр. 206—207). Авторъ какъ будто забываетъ объ единовѣрїи, гдѣ оставлены старые обряды, забываетъ, повидимому, о той многочислен-

ной части раскольниковъ, которая отрицательно относится къ австрійской іерархіи и для которой поэтому вовсе не важно признаніе этой іерархіи законной со стороны русской церкви при разрѣшеніи вопроса о соединеніи съ православной церковью. Наконецъ, автору надлежало побольше вдуматься и въ современнѣйшій строй старообрядческаго церковнаго управленія, въ которомъ капиталъ часто отодвигаетъ на второй планъ даже высшую іерархію, въ которомъ идея соборности нерѣдко составляетъ лишь красивую тогу для самовластия сравнительно немногихъ лицъ, преимущественно представителей капитала. Впрочемъ означеннаго рода сужденія, находящіяся на послѣднихъ страницахъ сочиненія, носятъ случайный характеръ и легко объяснимы лихорадочной спѣшностью при окончаніи работы.

Для полученія степени кандидата сочиненіе г. Доброва совершенно достаточно“.

13) О сочиненіи студента *Дьякова Святослава* на тему: „Церковно-общественный идеаль папы Пія IX-го“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Сочиненіе г. Дьякова состоитъ изъ „предисловія“, содержащаго въ себѣ, главнымъ образомъ, перечень источниковъ и пособій (2—14 стр.), четырехъ главъ изслѣдованія, краткаго „заключенія“ (273—292 стр.), и обширнаго отдѣла „приложеній“ (1—281 стр.). Въ 1-й главѣ (15—82 стр.) своей работы авторъ характеризуетъ идеаль церковно-монархической власти папы Пія 9-го, какъ этотъ идеаль выразился по преимуществу въ ватиканскомъ вѣроопредѣленіи 1870 г., являвшемся завѣтною цѣлью, къ которой Пій 9-й стремился съ 1-хъ годовъ своего понтификата. Во 2-й главѣ (83—124 стр.) авторъ останавливается на ученіи Пія 9-го о свѣтской власти папства и на борьбѣ Пія 9-го за политическую власть римскаго первосвященника съ итальянскимъ національно-освободительнымъ движеніемъ. 3-я глава (125—204 стр.) сочиненія г. Дьякова трактуетъ о церковно-политическомъ идеалѣ Пія 9-го, раскрываетъ ученіе папы о нормальномъ взаимоотношеніи между католической церковью и свѣтской властію, и борьбу Пія 9-го за этотъ идеаль въ дѣйствительной церковно-политической жизни. 4-я глава (205—273 стр.) работы

г. Дьякова, наконецъ, посвящена выясненію социальнаго-культурнаго идеала Пія 9-го, раскрываетъ отношеніе папы къ свободѣ вѣроисповѣданій, свободѣ науки, слова и печати, къ школѣ и гражданскому браку. Въ „заключеніи“ авторъ ставитъ и кратко раскрываетъ вопросъ, чѣмъ объясняется болѣе или менѣе агрессивный характеръ церковно-политическаго идеала Пія 9-го, по сравненію съ папами предшествовавшей ему эпохи, а въ качествѣ „приложенія“ къ своей работѣ даетъ полный переводъ слѣдующихъ памятниковъ характеризующихъ церковно-общественное міровоззрѣніе Пія 9-го:

1) энциклики 9 ноября 1846 г. „*Qui pluribus jam*“; 2) аллокуціи Пія 9-го отъ 9 дек. 1854 г. „*Singulari quadam perfusi laetitia*“; 3) аллокуціи Пія 9-го отъ 9 іюня 1862 г. „*Maxima quidem laetitia*“, 4) письма Пія 9-го къ имп. Александру 2-му отъ 22 апр. 1863 г.: „*Non deve meravigliare*“; 5) посланія Пія 9-го къ Григорію, архіеп. Мюнхенскому, отъ 21 дек. 1863 г. „*Tuas libenter*“; 6) посланія Пія 9-го къ Герману, архіеп. Фрейбургскому, отъ 14 іюля 1864 г. „*Quum non sine*“; 7) посланія Пія 9-го къ польскимъ католикамъ отъ 30 іюля 1864 г. „*Ubi Urbaniano*“, и 8) аллокуціи Пія 9-го о масонахъ отъ 25 сент. 1865 г. „*Multiplices inter*“.

Сочиненіе г. Дьякова представляетъ собою плодъ, несомнѣнно, усидчиваго и внимательнаго изученія авторомъ какъ источниковъ, такъ и вспомогательной литературы его темы. Весьма хорошее знаніе авторомъ латинскаго языка (о каковомъ знаніи между прочимъ свидѣтельствуетъ и выполненный имъ почти съ безукоризненной точностью и даже изяществомъ переводъ поименованныхъ папскихъ документовъ) дало г. Дьякову возможность съ большей и меньшей полнотой ознакомиться съ разнообразными литературными памятниками церковно-общественной дѣятельности Пія 9-го (по изданію Pii IX, Pontificis Maximi, Acta. Romae. 1854). Извлеченіе изъ этихъ памятниковъ матеріала, относящагося къ темѣ г. Дьякова, стоило автору, конечно, значительныхъ трудовъ, поскольку тѣ или другія заявленія Пія 9-го, характеризующія его церковно-общественное міросозерцаніе, нерѣдко представляются вскользь брошенными имъ фразами въ тѣхъ или другихъ документахъ, и г. Дьякову, чтобы извлечь нѣсколько строкъ изъ извѣстнаго папскаго посланія, цѣнныхъ для его темы, нерѣдко приходилось прочитывать

или просматривать цѣлый рядъ страницъ латинскаго текста, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ интересующему его вопросу. Изъ научной литературы своей темы авторъ имѣлъ подѣ руками и, конечно, въ той или иной степени проштудировалъ вполне достаточное количество журнальныхъ статей и монографій (на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ), посвященныхъ какъ вообще церковно-общественной дѣятельности Пія 9-го, такъ и характеристикѣ отдѣльныхъ ея моментовъ (силлабусъ, ватиканскій догматъ, культуркампфъ).

Планъ сочиненія—ясный и отчетливый, хотя, думается, онъ болѣе выигралъ бы въ стройности, если бы авторъ 2-ю главу своего сочиненія присоединилъ къ 3-й его главѣ. Встрѣчающіеся изрѣдка совершенно излишніе латинизмы, легко замѣнимые соответствующими русскими выраженіями (—дефиниція — 53 стр.; дискуссія—65 стр.; ингеренція—117 стр.; домированный—160 стр.; институція—167 стр.; индигенатъ—175 стр.), наконецъ, не нарушаютъ общей литературности изложенія автора.

Не вызывая никакихъ сомнѣній относительно формально-научной подготовки автора и его добросовѣстнаго отношенія къ своей работѣ, сочиненіе г. Дьякова, однако, не чуждо довольно существенныхъ пробѣловъ. Общимъ недостаткомъ сочиненія г. Дьякова является нѣкоторая его конспективность. Можетъ быть, изъ преувеличеннаго опасенія уклониться отъ своей темы, авторъ какъ будто намѣренно стремится въ возможно большей сжатости своего изслѣдованія, ограничиваясь обыкновенно лишь прямыми и краткими отвѣтами на выдвигаемые темой вопросы, не заботясь ни объ выясненіи церковно-общественныхъ теорій Пія 9-го на общемъ фонѣ современной ему культурно-исторической жизни, ни объ углубленіи богословско-философскаго ихъ анализа (оцѣнки). Между тѣмъ такая болѣе или менѣе широкая постановка темы автора спасла бы его сочиненіе отъ той сравнительной безцвѣтности и сухости, каковая мѣстами наблюдается въ немъ въ его настоящемъ видѣ. Объ узкости теперешней постановки темы въ сочиненіи г. Дьякова придается тѣмъ болѣе пожалѣть, что у автора была въ распоряженіи вспомогательная литература какъ для выясненія исторической перспективы церковно-общественныхъ высту-

пленій Пія 9-го, такъ и для анализа его ультрамонтанскихъ теорій (Riess, Frohschammer, Heiner, Goetz). Разумѣется, введеніе этого матеріала въ сочиненіе г. Дьякова не должно было бы носить механической характеръ, и потребовало бы отъ автора значительнаго архитектурнаго искусства.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя опущенія въ сдѣланной авторомъ характеристикѣ самаго содержанія церковно-общественнаго идеала Пія 9-го. Такъ, напр., характеризуя въ 1-й главѣ эkkлeсіологію Пія 9-го, и въ частности его ученіе о „централизованномъ“ значеніи папской власти въ церкви, авторъ совершенно не касается вопроса, въ какомъ отношеніи Пію 9-му мыслили верховную власть и непогрѣшимое учительство римскаго епископа къ правамъ и власти прочаго католическаго епископата, хотя эта сторона догмата о папствѣ такъ или иначе затрогивалась какъ въ личныхъ выступленіяхъ Пія 9-го, особенно въ эпоху ватиканскаго собора, такъ и въ самомъ вѣроопредѣленіи этого собора. Равнымъ образомъ, авторъ совершенно ничего не говоритъ объ отношеніи Пія 9-го къ православному востоку, объ универсальномъ характерѣ папскаго душепопеченія, по взгляду Пія 9-го, распространяющагося и на не-католическій міръ (въ знаменитомъ письмѣ Пія 9-го къ имп. Вильгельму I-му и др.).

Наконецъ, въ качествѣ недочета въ работѣ г. Дьякова слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе въ ней свода параллельныхъ мѣстъ изъ „Актонъ“ Пія 9-го. Раскрывая тѣ или другія стороны церковно-общественнаго идеала Пія 9-го, авторъ въ обоснованіе своихъ тезисовъ обыкновенно приводитъ выдержки лишь изъ тѣхъ документовъ Пія 9-го, въ которыхъ эти стороны получили наиболѣе полное и характерное выраженіе. Возможно-полный же сводъ параллельныхъ мѣстъ къ этимъ выдержкамъ, имѣя самъ по себѣ научный интересъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы лучшимъ показателемъ дѣйствительно-тщательнаго знакомства автора съ Актами Пія 9-го.

Отмѣченные недостатки не препятствуютъ признать работу г. Дьякова очень хорошимъ кандидатскимъ сочиненіемъ, а его автора—вполнѣ заслуживающимъ кандидатской степени“.